

ГЕНРИХ БЁЛЛЬ

---

*ПУТНИК, КОГДА ТЫ ПРИДЕШЬ
В СПА...*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.112.2-32
ББК 84(4Гем)-44
Б43

Серия «Эксклюзивная классика»

Heinrich Böll

WANDERER, KOMMST DU NACH SPA...

*Originally published in the German language
as "Wanderer, kommst du nach Spa..." by Heinrich Böll
First published in 1950*

Перевод с немецкого А. Анваера

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фереца

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения издательства
Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG.

Бёлль, Генрих.

Б43 Путник, когда ты придешь в Спа... : [рассказы] / Генрих Бёлль ; [перевод с немецкого А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-188252-5

25 рассказов великого Генриха Бёлля, объединенных темой войны, которая воспринимается автором много шире, чем только Вторая мировая.

25 историй о несчастных мальчишках, покалеченных войной, которую они сами для себя не выбирали, но которая выбрала их.

25 эпизодов о невыразимой тоске по любимым людям, ушедшим в мир иной, о чувстве безысходности, но в то же время о всепрощающей любви и надежде.

25 крохотных крупниц, дополняющих картину того самого мира — зыбкого и ускользающего...

УДК 821.112.2-32
ББК 84(4Гем)-44

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co.
KG, Cologne/ Germany, 2003
© Перевод А. Анваера, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers,
2026

ISBN 978-5-17-188252-5

ПРОЕЗЖАЯ ПО МОСТУ

(1950)

История, что я хочу вам рассказать, собственно, лишена какого-либо содержания, может быть, это и вообще никакая не история, но я, сам не зная почему, просто обязан поведать ее вам. Десять лет назад разыгралась своего рода предыстория, которая теперь получила свое завершение...

Дело в том, что пару дней назад проезжали мы по мосту, который в свое время был прочным и широким, металлическим, как грудь Бисмарка на его многочисленных статуях, несокрушимым, как должностные инструкции; то был широкий, с четырьмя железнодорожными колеями, мост через Рейн, стоявший на мощных опорах; когда-то ездил я по этому мосту на одном и том же поезде трижды в неделю — по понедельникам, средам и субботам. Был я тог-

да служащим Имперского общества охотничьего собаководства; должность моя была весьма скромной, собственно говоря, я исполнял обязанности курьера. В собаках я, естественно, ничего не смыслил, ибо являлся человеком необразованным. Три раза в неделю я ездил из Кенигштадта, где располагалась наша головная контора, в Грюндерхайм, где был ее филиал. Там я получал срочную корреспонденцию, деньги и сообщения о «сомнительных случаях». Эти последние укладывали в большую желтую папку. Мне никогда не говорили, что в этих папках, ведь я был всего-навсего курьером...

По утрам я в одно и то же время выходил из дома, шел на вокзал и восьмичасовым поездом отправлялся в Грюндерхайм. Поездка занимала три четверти часа. Я и тогда испытывал страх, проезжая по мосту. Все уверения технически подкованных знакомых относительно максимально допустимой нагрузки не имели для меня решительно никакого значения — я просто боялся, и все; одно только соединение моста и железной дороги уже вызывало у меня страх, и я честно в этом признаюсь. Рейн в наших местах очень широк. С тихим страхом в сердце ощущал я каждое легкое колебание моста, это жуткое раскачивание на протяжении всех его шестисот метров; и только потом возобновлялся успокаивающий и внушающий уверенность,

приглушенный перестук колес, когда мы, наконец, опять достигали насыпи; далее начинались садовые участки, много садовых участков, и вот, неподалеку от Каленкаттена, в поле моего зрения появлялся один дом; этот дом, словно магнитом, каждый раз притягивал мой взор. Дом стоял на земле, ниже насыпи, и мне каждый раз приходилось косить глазом. Дом был оштукатурен красноватой известью и казался очень чистеньким; оконные наличники и цоколь были выкрашены в темно-коричневый цвет. Два этажа, на верхнем — три окна, а на нижнем — два; по центру, между окнами, дверь с крыльцом в три ступеньки. Если не шел сильный дождь, на ступеньках крыльца всегда сидел ребенок, девочка девяти-десяти лет с большой нарядной куклой в руках; девочка, сердито моргая, провожала взглядом поезд. Каждый раз я скользил взглядом по девочке, а потом взор мой упирался в левое окно, и я неизменно наблюдал возле него одну и ту же картину: женщина, которая, сгорбившись рядом с ведром с тряпкой, моет пол. Каждый раз, даже когда шел дождь и на крыльце не было ребенка, я видел эту женщину; ее худую шею, по которой узнавал мать девочки, да еще по размеренным движениям тряпкой, какими моют пол. Я часто давал себе слово, что в следующий раз непременно постараюсь рассмотреть мебель в комнате или хотя бы занавески,

но взгляд мой упорно липнул к этой худенькой женщине, и, прежде чем я вспоминал о своем былом намерении, поезд уже проезжал мимо. По понедельникам, средам и субботам я наблюдал эту сцену в десять минут девятого, ибо поезда в ту пору ходили точно по расписанию. Когда поезд проскальзывал мимо, мне оставалось только бросить взгляд на чистый задний фасад — глухой и непроницаемый.

Разумеется, меня занимали мысли об этой женщине и об этом доме. Все другое на пути следования поезда интересовало меня мало. Каленкаттен — Брёдеркоттен — Зуленхайм — Грюндерхайм; в этих станциях не было ничего занимательного. Мысли мои постоянно вращались вокруг того дома. Я думал: почему женщина драит пол три раза в неделю? Дом не выглядел так, будто в нем все время грязно, сомнительно было и то, что в этом доме беспрестанно принимают гостей. Он казался негостеприимным, этот дом, хотя и был чистым. Это был чистый, но какой-то неприветливый дом.

Однако, когда я, возвращаясь из Грюндерхайма одиннадцатичасовым поездом, около двенадцати проезжал Каленкаттен и видел первым делом заднюю часть дома, женщина уже протирала зажатым в руке куском замши последнее окно справа. Это могло показаться странным, но по понедельникам и субботам она мыла последнее

окно справа, а по средам — среднее окно. Голову она повязывала платком бледного красноватого цвета. Правда, девочку я в это время уже не видел; то есть ее не было около двенадцати — поезда тогда ходили как часы, — и дом казался тихим и угрюмым.

Хотя я и стараюсь, рассказывая эту историю, описывать только то, что видел на самом деле, уж позвольте мне сделать одно скромное допущение: через три месяца я решил, что, вероятно, по вторникам, четвергам и пятницам та женщина мыла другие окна. Это предположение, при всей его скромности и неприязнительности, постепенно стало моей идеей фикс. Иногда всю дорогу от Каленкаттена до Грюндерхайма я размышлял о том, в какое время до и после полудня драит она остальные окна обоих этажей. Да! Я даже составил и записал план мойки окон. На основании того, что трижды в неделю наблюдал по утрам, я пытался представить, что та женщина моет во второй половине остальных трех дней и все полные дни. У меня возникла навязчивая мысль, что женщина постоянно только тем и занимается, что приводит в порядок окна. В десять минут девятого я всегда видел ее в одном и том же положении — она, сгорбившись, старательно, так, что мне даже казалось, будто я слышу ее пыхтение, водила тряпкой, а незадолго до двенадцати изо всех сил терла оконной замшей

стекла. Мне даже казалось, что я вижу высунутый кончик ее языка.

История этого дома меня буквально преследовала. Я стал излишне задумчивым. Дело дошло до служебной небрежности. Я был слишком отстраненным. Однажды я даже забыл взять с собой папку с «сомнительными случаями». Этим я навлек на себя гнев окружного шефа Имперского общества охотничьего собаководства; когда он вызвал меня к себе, его буквально трясло от злости.

— Грабовский, — сказал он мне. — Я слышал, что вы забыли «сомнительные случаи». Служба есть служба, Грабовский.

Я хранил гробовое молчание, и это разозлило его еще сильнее.

— Курьер Грабовский, хочу вас предупредить. Имперское общество охотничьего собаководства не потерпит в своих рядах забывчивых людей, вы понимаете? Мы можем поискать и более квалифицированных людей. — Он грозно посмотрел на меня, но потом вдруг смягчился, и в глазах его появилось что-то человеческое. — У вас какие-то неприятности?

Я тихо признался:

— Да.

— Что случилось? — почти заботливо спросил он. Я лишь молча покачал головой. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Дайте мне один день отпуска, господин директор, — робко попросил я, — и больше ничего.

Он великодушно кивнул:

— Решено! И не принимайте мои слова слишком близко к сердцу. Каждый имеет право один раз что-нибудь забыть, но в целом мы вами довольны...

Душа моя возликовала. Этот разговор состоялся в среду. На следующий день, в четверг, я был свободен. Использовать его я решил с толком. В восемь утра я сел в поезд и, проезжая мост, дрожал не столько от страха, сколько от нетерпения: да, она была на месте и драила ступеньки крыльца. В Каленкаттене я сел на встречный поезд и снова проехал мимо ее дома около девяти: верхний этаж, среднее окно, фасад. В тот день я четыре раза проехал мимо того дома туда и обратно и уяснил себе весь план четверга: ступеньки крыльца, среднее окно, верхний этаж, задний фасад, пол, передняя комната наверху. Когда в шесть вечера я вновь проезжал мимо дома, то увидел маленького человечка, который, согнувшись в три погибели, не спеша копался в огороде. Девочка, держа в руках неизменную нарядную куклу, наблюдала за ним, как надсмотрщица. Женщины не было видно...

С тех пор минуло уже десять лет. И вот несколько дней назад мне случилось снова проехать по этому мосту. Боже мой, я буквально ни

о чем не думал, садясь в поезд в Кенигштадте! Та история совершенно вылетела у меня из головы, я начисто о ней забыл. Мы ехали поездом, составленным из товарных вагонов, и, когда приблизились к Рейну, произошло нечто необычное: вагон перед нашим вдруг умолк вслед за другими; это было удивительно — наш поезд из пятнадцати или двадцати вагонов словно был цепью огней, которые принялись гаснуть один за другим. При этом мы слышали какой-то ужасно противный, гулкий шум, похожий на завывание ветра. Этот звук вдруг превратился в стук молоточка под днищем нашего вагона; онемели и мы, увидев ничто, ничто, ничто... ничто; слева и справа от нас было ничто, отвратительная, жуткая пустота... вдали виднелся берег Рейна... корабли... вода, но взгляд не осмеливался устремляться слишком далеко; взгляд хитрил и обманывал. Вокруг не было ничего, ровным счетом! По лицу бледной, умолкшей крестьянки я понял, что она молится, некоторые дрожащими руками прикуривали сигареты; умолкли даже игроки в скат, уютно устроившиеся в углу...

Потом мы услышали, что головные вагоны снова выехали на твердую землю, и все сразу подумали одно и то же: для них все, наверное, кончится благополучно и они проскочат, но мы-то, мы ехали в предпоследнем вагоне и почти были уверены, что уж точно рухнем вниз. Эта уве-

ренность явственно отражалась в наших глазах и читалась на побледневших лицах. Мост был не шире рельсового пути, да, собственно, рельсовый путь и был мостом, и края вагона просто нависали по обе стороны моста над бездной, а мост раскачивался, словно ему не терпелось стряхнуть нас в реку...

Но потом возобновился привычный перестук колес, мы слышали его приближение, он становился все более и более отчетливым, и вот, наконец, этот темный и несокрушимый грохот раздался и под нашим вагоном. Все мы одновременно вздохнули и осмелились посмотреть в окна: там мы увидели садовые участки! Боже, благослови садовые участки! Но тут я внезапно осознал, где нахожусь, места становились все более узнаваемыми, чем ближе мы подъезжали к Каленкаттену. Для меня был важен теперь только один вопрос: стоит ли еще тот дом? И тут я его увидел; сначала издалека, сквозь нежную листву растущих на участках деревьев, показался красный, еще более чистый, чем раньше, фасад дома; он становился все ближе и ближе. Меня охватило какое-то смутное, неясное волнение. Все-все, что происходило тогда, десять лет назад, дико и беспорядочно всколыхнулось в моей душе, породив рвущий сердце хаос и сумятицу. Дом стремительно приближался, и тут я увидел женщину. Она мыла ступеньки крыльца. Но нет,

то была не она — ноги были длиннее, крепче и несколько толще, но движения те же — угловатые, резкие, повторяющиеся движения из стороны в сторону, какими моют пол. Сердце мое замерло, да что там: оно словно остановилось. Женщина на мгновение обернулась, и я сразу узнал ту девочку; это паучье лицо, отталкивающее угрюмое и кислое, как залежалый салат...

Когда мое сердце снова медленно и нерешительно принялось за свою работу, мне вдруг пришло в голову, что сегодня и в самом деле четверг...

**ПОДРУЖКА
С ДЛИННЫМИ ВОЛОСАМИ
(1947)**

Это было просто удивительно: ровно за пять минут до того, как началась облава, меня вдруг охватило чувство неуверенности. Я боязливо осмотрелся и медленно зашагал вдоль Рейна к вокзалу, и мало того — я даже не удивился, увидев, как из переулков вылетели легковые машины с полицейскими в красных фуражках; они мгновенно оцепили квартал и приступили к поиску. Все произошло до жути стремительно. Я оказался вне рокового круга и спокойно закурил сигарету. Все происходило абсолютно беззвучно. На землю полетели сотни сигарет. Жаль, подумалось мне, и я даже наскоро подсчитал в уме, сколько наличности было только что выброшено зря. Грузовик быстро наполнялся теми, кого удалось схватить. Франц тоже был

там — он безнадежно махнул мне рукой изда-
лека. Жест этот мог означать только одно: судь-
ба. Один из полицейских, резко обернувшись,
увидел меня. И я пошел прочь. Но медленно,
очень медленно. Мой бог, должны же они взять
и меня! У меня не было ни малейшего желания
возвращаться в свою халупу, и я не спеша по-
плелся дальше к вокзалу. Тростью я отшвырнул
в сторону мелкий камешек. Солнце припекало,
от Рейна тянуло нежной прохладой.

В зале ожидания я отдал кельнеру Фрицу
двести сигарет и сунул деньги в задний карман.
Теперь при мне не было товара — только пачка
лично для меня. Потом в толчее я нашел, нако-
нец, свободное место, заказал мясной бульон
и немного хлеба. Издалека я заметил, что Фриц
подал мне знак, но у меня не было никакого
желания вставать. Тогда он сам торопливо по-
дошел ко мне. За его спиной я заметил крош-
ку Маусбаха, курьера. Мне показалось, что оба
сильно нервничали.

— Слушай, приятель, ты не переживай, —
пробубнил Фриц и, тряхнув головой, отошел
в сторону, уступив место запыхавшемуся крош-
ке Маусбаху.

— Знаешь, тебе, — тяжело дыша и заикаясь,
сказал он, — ты... должен испариться... твою
халупу обыскали и нашли кокс... так-то, при-
ятель! — Он тяжело сглотнул и перевел дыхание.

Я покровительственно похлопал его по плечу и дал двадцать марок.

— Хорошо, — произнес я, и он затрусил прочь. Но тут мне в голову пришла мысль, и я окликнул его: — Слушай, Хайни, если вдруг найдешь мои книги и пальто из халупы... то, может, сохранишь их, а? Я появлюсь здесь через две недели, ладно?.. Все остальное оставь себе.

Он кивнул. На него можно было положиться, и я это знал.

Жаль... снова подумал я... шесть тысяч марок псу под хвост... нигде, нигде нельзя почувствовать себя в безопасности...

Перехватив несколько любопытных взглядов, скользнувших по мне, когда я снова медленно уселся на место и равнодушно потянулся к карману, я неожиданно осознал, что нигде больше не смогу пребывать в столь восхитительном одиночестве, нигде не смогу я побыть наедине со своими мыслями, как здесь, в толпе и толчее зала ожидания.

В какой-то миг я вдруг понял, что мои глаза, которые без всякой ясной цели, почти автоматически скользили по залу, все время цеплялись за какое-то пятно, словно некая сила против моей воли постоянно направляла их туда. В круг моего равнодушного взгляда то и дело, снова и снова попадало одно место, где мой взгляд спотыкался, останавливался, а затем то-